

Misery

СТИВЕН
Stephen King
КИНГ

МИЗЕРИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
MISERY

Перевод с английского *Е. Петуховой*

Художник *А. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мизери : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского
Е. Петуховой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. —
(Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-184845-3

Писатель Пол Шелдон, прославившийся серией любовно-приключенческих романов, чудом выживает в автокатастрофе.

Вот только приходит он в сознание не в больнице, а в чужом доме, хозяйка которого немолодая одинокая медсестра Энни Уилкс. Именно она спасла его, вытащив из-под обломков и оказав первую помощь.

Однако очень скоро он понимает, что Энни далеко не та, кем кажется. Она — давняя поклонница книг Пола и вырвала его из лап смерти с целями, бесконечно далекими от гуманности и милосердия...

Читайте «Мизери» — один из лучших романов Стивена Кинга, удостоенный премии Брэма Стокера, — в новом переводе!

**УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44**

© Stephen King, Tabitha King and Arthur B. Greene, Trustee, 1987

© Перевод. Е. Петухова, 2025

 Школа перевода В. Баканова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭНИИ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МИЗЕРИ	116
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОЛ	242
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БОГИНЯ	342

*Стефани и Джиму Леонард, они знают за что.
О да, знают.*

БОГИНЯ

АФРИКА

Хочу выразить благодарность трем медицинским работникам, которые помогли мне с подготовкой материала для этой книги.

Вот их имена:

Расс Дорр, ассистент врача

Флоренс Дорр, медсестра

Дженет Ордуэй, врач-психиатр

Как всегда, они обратили мое внимание на детали, которые обычно остаются незамеченными. Любая грубая ошибка на моей совести.

Разумеется, препарата под названием «Новрил» не существует, но есть несколько аналогичных препаратов на основе кодеина. К сожалению, в аптеках такие препараты не всегда находятся под тщательным контролем.

Все места и персонажи в книге вымышлены.

C. K.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЭННИ

*Когда ты смотришь в бездну, бездна
тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше

1

*ллавннная
саммая ллавннная
клонница*
Эти звуки — даже в тумане.

2

Однако порой звуки, как и боль, стихали, и оставался только туман. Он помнил темноту, непроницаемую темноту, которая предшествовала туману. Значит, ему становится лучше? Да будет свет (пусть даже туманный), и свет был хорош, и так далее и тому подобное? А звуки? Пришли из темноты? Он не мог ответить ни на один из этих вопросов. И есть ли в них толк? На этот вопрос у него тоже не было ответа.

Боль угнездилась где-то ниже звуков — к востоку от солнца и к югу от ушей. Вот и все, что он знал.

Долгое время, казавшееся вечностью (ибо вокруг не существовало ничего, кроме боли и тревожного тумана), звуки составляли для него единственную реальность. Он понятия не имел, кто он и где находится. Да и не все ли равно? Ему хотелось умереть, но пелена боли, окутавшая разум, словно летняя грозовая туча, мешала прийти к осознанию этого факта.

Со временем он стал замечать периоды отсутствия боли, их циклический характер. Впервые с тех пор, как вынырнул из абсолютной тьмы, которая предшествовала туману, он подумал о чем-то, не связанном с его нынешним состоянием. На ум пришла сломанная опора пирса на пляже в Ревире, куда ребенком его часто возили родители. Опора торчала из песка, словно одинокий клык погребенного монстра, и он всегда просил расстилать плед там, откуда мог ее видеть. Ему нравилось сидеть и наблюдать, как она уходит под воду во время прилива. Несколько часов спустя, когда сэндвичи и картофельный салат были съедены, в отцовском термосе не оставалось лимонада и мама вот-вот скажет, что пора домой, верхушка прогнившей сваи появлялась вновь — сначала среди набегающих волн мелькал самый кончик, а затем постепенно выступала остальная часть. К тому времени, как они с родителями выбрасывали мусор в большую урну с надписью «СОДЕРЖИТЕ ПЛЯЖ В ЧИСТОТЕ», собирали игрушки Поли

(меня зовут Поли я Поли и вечером мама смажет мою обгоревшую кожу детским маслом, пронеслось посреди грозовой тучи, в которой он теперь жил)

и сворачивали плед, опора с почерневшими скользкими боками почти полностью показывалась над водой в окружении мыльных хлопьев пены. Отец пытался объяснить ему суть прилива, однако Поли твердо знал, что главное — свая. Прилив уходит и приходит, а свая остается. Просто ее не всегда видно. Без сваи не было бы прилива.

Воспоминание сонной мухой кружилось в голове и сводило с ума. Он пытался ухватить смысл, но долгое время звуки мешали.

*клонница
перррочиталлла всееее
саммая ллавнная*

Иногда звуки пресекались. Иногда пресекалось что-то в нем самом.

Его первое отчетливое воспоминание о настоящем, о времени, проведенном за пределами грозовой тучи, было связано с остановкой, с внезапным осознанием того, что он не может дышать. Вот и ладно, вот и хорошо, по правде сказать — просто замечательно; всему есть предел, даже боли, и он был рад выйти из игры.

Затем чьи-то губы прижались к его губам — сухие и твердые, они тем не менее совершенно точно принадлежали женщине; ее дыхание с силой проникло ему в горло, как мужчина мог бы проникнуть в женщину, и наполнило легкие. Когда губы отстранились, он впервые ощутил запах своей тюремщицы — отвратительную смесь ванильного печенья, шоколадного мороженого, куриной подливки и арахисового масла.

Он услышал ее голос:

— Дыши, черт возьми! Дыши, Пол!

И снова губы прижались к его губам. И в горло опять ворвалось дыхание — как поток затхлого воздуха, который устремляется за скоростным поездом метро, унося с собой газеты и конфетные фантики. Затем губы отстранились. *Господи*, подумал он, *только не выдыхай через нос!* Но, увы, ничего не мог поделать с этой вонью, с *этой проклятой ВОНЬЮ!*

— *Дыши, черт бы тебя побрал!* — взвизгнул невидимый голос.

Хорошо, мысленно ответил он, *все что угодно, только, пожалуйста, не надо меня больше травить*. Однако прежде чем он хотя бы попытался сделать вдох, губы женщины (сухие и безжизненные, как полоски соленой кожи) сомкнулись на его губах, и она вновь осквернила его своим дыханием.